

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ

СТАЛИНГРАД. ПОДВИГ СОЗИДАНИЯ

© 2023 г. И. А. Пермяков^{а,*}

^аРоссийский государственный архив новейшей истории, Москва, Россия

*E-mail: rgani@gov.ru

Поступила в редакцию 03.04.2023 г.

После доработки 03.04.2023 г.

Принята к публикации 05.04.2023 г.

В статье на основании впервые вводимых в научный оборот архивных документов представлен процесс послевоенного восстановления Сталинграда. В ходе Сталинградской битвы, ставшей одним из ключевых сражений Второй мировой войны, Сталинград подвергся колоссальным разрушениям: не сохранилось ни одного из 126 предприятий, при этом 48 заводов стерты с лица земли, мирное население города сократилось до 1515 человек. Уже в декабре 1942 – январе 1943 г. городские и областные власти приняли решение о начале восстановительных работ. Хотя бои в городе ещё продолжались, 4 апреля 1943 г. было принято постановление Государственного комитета обороны (ГКО) “О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства Сталинграда и Сталинградской области”. Процесс выработки градостроительной концепции и поиски архитектурно-художественного решения были не просты. Участие в этой работе приняли лучшие творческие силы Советского Союза: А.В. Шусев, Б.М. Иофан, К.С. Алабян, Е.В. Вучетич и другие. Окончательный проект застройки центра Сталинграда был подготовлен группой Академии архитектуры под руководством Алабяна в 1946 г., однако после принятия в 1955 г. постановления ЦК КПСС “Об устранении излишеств в проектировании и строительстве” этот проект не был реализован в полном объёме. Важной вехой в формировании современного облика Сталинграда (Волгограда) стало сооружение в 1959–1967 гг. по проекту и под непосредственным руководством скульптора Е.В. Вучетича и инженера Н.В. Никитина мемориального ансамбля героям Сталинградской битвы на Мамаевом кургане.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинград, градостроительство, послевоенное восстановление народного хозяйства.

DOI: 10.31857/S0869587323040084, EDN: SCZOBZ

Сталинградская битва – самое масштабное сражение не только Второй мировой войны, но и в истории человечества. Немым свидетелем этой битвы стал город на Волге, где, как позднее образно писали советские поэты, “земля тонула в ярости огня”; после войны в “оглушённом нутре” Мамаева кургана металла было “больше, чем в

знаменитой Магнитной горе”. Неоспоримое значение для национального самосознания как Сталинградской битвы, так и самого города-героя, опыта его возвращения к мирной жизни неоднократно отмечалось в историографии [1–16]. Увлекочивание исторической памяти о героях Сталинграда имело подлинно народный характер, стало своеобразным соединительным звеном между официальной идеологией и общенациональным восприятием прошлого.

При подготовке статьи автором привлечены в качестве источников официальные документы высших органов партии и государства, письма граждан во властные структуры, публицистические материалы. Основной массив документов представлен архивными материалами, выявленными в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Российском государственном

ПЕРМЯКОВ Игорь Альбертович – кандидат исторических наук, директор РГАНИ.

архиве литературы и искусства (РГАЛИ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) и Центре документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО).

Город на Волге выделялся из общей массы населённых пунктов Советского Союза задолго до начала Второй мировой войны. В Сталинграде тщательно хранилась память о событиях Гражданской войны, связанных с обороной Царицына, где видную роль сыграл И.В. Сталин, поэтому не случайно, что 17 апреля 1926 г. Сталинградский губком ВКП(б) обратился к Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) с просьбой “поставить вопрос о Сталинграде, как областном центре Нижне-Волжской области на обсуждение Политбюро, несмотря на то, что этот вопрос решён в Оргбюро всеми голосами против одного в пользу Саратова” [17, л. 36]. Благодаря поддержке Сталина просьба сталинградцев была удовлетворена; к началу 1930-х годов Сталинград превратился в один из символов индустриализации. Выгодное экономико-географическое положение, развитие водного и железнодорожного транспорта в совокупности с ростом удельного веса промышленных предприятий позволили Сталинграду войти в число стратегических центров страны. Это, в свою очередь, отразилось на росте населения города: если к 1930 г. в нём насчитывалось около 217 тыс. жителей, то к 1941 г. — более полумиллиона [17, л. 90]. К началу войны город имел и развитую социальную инфраструктуру, включавшую объекты здравоохранения, разветвлённую сеть образовательных (124 школы, семь училищ и четыре института) и культурных учреждений (четыре театра, два цирка, филармония, 14 кинотеатров, а также библиотеки, клубы и музеи) [18, л. 11].

Мирная жизнь Сталинграда, как и всей страны, прервалась 22 июня 1941 г. С каждым днём фронт неумолимо приближался к городу. Уже 23 августа немецкая авиация произвела первую массированную бомбардировку Сталинграда, в результате которой были выведены из строя многие заводы, электростанции, водопровод, а начавшийся пожар охватил жилые кварталы. Непросто складывалась эвакуация мирных жителей: эвакуировали главным образом детей и подростков, тогда как многие взрослые отказывались покидать Сталинград. В результате к октябрю 1942 г., то есть к началу битвы, в городе оставалось около 200 тыс. советских людей [19, л. 9–19].

В ходе бомбардировок и ожесточённых уличных боёв Сталинград превратился в руины. Обгорелые, взорванные остовы цехов заводов, целых улиц и площадей, груды битого камня и кирпича, развороченного железа — города по сути не стало. К марту 1943 г. жилой фонд составлял менее 9% от довоенного — почти 42 тыс. домов были уничтожены, уцелело лишь около 7 тыс. небольших

одноэтажных домиков на городских окраинах. Превратились в развалины все вузы, школы, детские сады, ясли, театры и кинотеатры, библиотеки. В городе не осталось ни одной действующей больницы. Все 126 промышленных предприятий были выведены из строя, практически полностью оказались разрушены инженерные и транспортные коммуникации: 127 км водопроводных и 25 км канализационных сетей, 425 км железнодорожных и 234 км трамвайных путей. Город и его окрестности превратились в безжизненный, с зияющими воронками от взрывов пустырь. В этом аду уцелели немногие: в шести районах Сталинграда, где до войны проживало около 450 тыс. жителей, городским советом в феврале 1943 г. было учтено всего 1515 человек. Но число возвращавшихся быстро прибывало и к лету 1943 г. составило более 32 тыс. человек, правда, преимущественно это были женщины, дети и старики [20, л. 2–10].

Разрушения оказались столь значительны, что многие эксперты, в том числе иностранные, считали, что город невозможно восстановить на прежнем месте. Так, личный представитель президента США Дж.Э. Дэвис, посетивший Сталинград летом 1943 г., заявлял советскому руководству: “Ваш город лучше строить заново на новом месте, скажем, севернее или южнее нынешних руин. Восстанавливать погибший город намного труднее и, главное, дороже, нежели построить новый” [21, л. 14]. Однако никто ни в Москве, ни тем более в Сталинграде не рассматривал это предложение всерьёз. Силы советских людей были брошены на колоссальную работу, связанную с возрождением из пепла волжской твердыни.

Решение о восстановлении города было принято местными властями в январе 1943 г. На подступах к городу ещё не утихали бои, а на пленуме обкома партии уже обсуждался вопрос о налаживании хозяйства в Кировском районе города. Как вспоминал первый секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) А.С. Чуянов, “мы начали с небольшого. Была возобновлена работа мельницы и хлебозавода, некоторых кооперативных артелей, были открыты три почтово-телеграфных отделения. 20 января закончилось оборудование радиопузла, и в этот же день Сталинград, впервые после долгого перерыва, услышал московскую радиопередачу” [22, л. 62]. На СталГРЭСе запустили единственную уцелевшую в боях турбину. В январе открыли общественную столовую для железнодорожников на 600 мест. Мало помалу город возвращался к жизни. В начале февраля исполком областного совета депутатов обратился к населению города с призывом возродить Сталинград.

4 апреля 1943 г. принимается постановление ГКО “О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства Сталинграда и Сталин-

градской области”, тем самым руководство страны объявляет о планах восстановления города [23, л. 125–144]. Главное внимание в документе уделено возобновлению работы градообразующих предприятий – Сталинградского тракторного завода им. Ф.Э. Дзержинского, металлургического завода “Красный Октябрь”, сталинградской ГРЭС и др. Вместе с тем в постановлении довольно значительное внимание уделено открытию социальных объектов. В городе и области должны были появиться специальные столовые для ослабленных детей, а с 1 сентября 1943 г. начать функционировать тринадцать больниц на 2,5 тыс. коек. Для этих целей в Сталинград в середине апреля направляется большой объём медикаментов, командированы 175 врачей. К началу сентября в городе восстановлено 39 школ, и вместе с учащимися всей страны к учёбе возвращаются 11 600 школьников Сталинграда.

Серьёзной проблемой оказалась нехватка стройматериалов: в условиях военного времени их собирали в буквальном смысле по всей стране. 30 марта 1943 г. в Сталинград прибыл первый эшелон из 55 вагонов из Саратова, доставивший строительные материалы, 31 марта – второй, из Горьковской области.

Нехватка рабочей силы, которая направлялась в разрушенный город в ограниченном числе, сдерживала восстановительные работы. Так, вместо предполагаемых 4 тыс. рабочих-строителей из Курской области и Украины к сентябрю приехали около 900, в большинстве женщины [24, л. 92]. Для скорейшего пополнения строительных кадров в октябре 1943 г. была объявлена всесоюзная развёрстка по командированию в Сталинград рабочих из разных уголков страны. Но ещё до этого, в июне 1943 г., по инициативе работницы одного из сталинградских детсадов А.М. Черкасовой в городе зародилось движение (позже получившего название черкасовского), участники которого в свободное от основной работы время бескорыстно трудились на благо родного города. 20 июня на помощь строителям вышло более 6 тыс. сталинградцев, 27 июня – более 10 тыс. Всего в городе работало 35 тыс. черкасовцев, они отработали на строительстве более 650 тыс. человеко-дней. В итоге к середине 1944 г. объединёнными силами горожан и прикомандированных строителей была возвращена в строй действующих бо́льшая часть возведённых до начала войны промышленных предприятий.

12 июня 1943 г. Сталинградский тракторный завод отправил на фронт первый эшелон отремонтированных танков Т-34 и КВ, вскоре за ним последовали другие. Всего в 1943 г. этот завод поставил фронту 750 боевых машин, 720 моторов и 550 танковых корпусов, а в 1944 г. выпустил 417 тракторов. За выдающиеся заслуги перед Ро-

диной коллектив завода 7 февраля 1945 г. был удостоен ордена Отечественной войны I степени. Металлургический завод “Красный Октябрь” особенно пострадал в ходе боёв: он находился на главном направлении удара, и его пришлось строить заново. Но уже в ноябре 1943 г. дала первую плавку мартеновская печь завода “Баррикады”, в 1944 г. заработали цеха, обеспечивавшие три четверти довоенной мощности производства. Всего до окончания войны в строй вступили 102 предприятия Сталинграда. На них трудились 50 тыс. человек, что составило 50% к уровню 1940 г.

Тяжёлая ситуация сложилась в городе с жильём. 27 октября 1943 г. Народный комиссар коммунального хозяйства РСФСР В.И. Макаров сообщил в ЦК ВКП(б): “Строительные рабочие, в числе которых больше женщин, ходят на работу босые, живут в неудовлетворительных грязных подвалах, спецодеждой и постельными принадлежностями не обеспечены, многие из них спят на голых, грязных цементных полах” [24, л. 95]. Однако несмотря на все трудности к концу 1944 г. в городе было построено 11 093 дома и в них расселено 116 тыс. человек [22, л. 62].

Советское руководство и после войны не жалело средств на восстановление города (только в 1945–1947 гг. на эти цели было выделено около 500 млн руб. [25, л. 1, 2]). К середине 1950-х годов в центральной части города под руководством архитектора В.Н. Симбирцева был возведён комплекс красивых многоэтажных жилых домов и общественных зданий. Тем не менее посетивший город на Волге в сентябре 1955 г. архитектор А.Н. Иванов сообщал в Союз советских архитекторов, что “как ни значительны затраты, вложенные в восстановление Сталинграда, всё же признать их достаточными нельзя” [26, л. 13]. Строительство жилья на протяжении первого после войны десятилетия шло недостаточными по сравнению с ростом населения темпами, что признавали и городские власти. В сентябре 1957 г. секретарь Сталинградского горкома КПСС К.К. Чередниченко заявлял на совещании секретарей горкомов КПСС и председателей горисполкомов РСФСР, что жилищный вопрос – один из важнейших для города. В среднем на одного сталинградца приходилось не более 4 м² жилплощади. Ситуация в жилищном секторе стала меняться с конца 1957 г., когда в городе был запущен завод железобетонных изделий, позволивший начать строительство панельных домов. (Во многом это стало следствием принятия совместного постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 4 ноября 1955 г. “Об устранении излишеств в проектировании и строительстве”, положившего начало типовому многоквартирному строительству в СССР.)

В первое десятилетие после войны власти были вынуждены сконцентрироваться на решении практических задач — создании необходимых условий для жизни сталинградцев, запуске и развитии промышленных предприятий. В связи с этим выделение средств на ряд других задач, например на монументальную пропаганду, по вполне объяснимым причинам откладывалось. (В качестве ремарки отмечу, что вплоть до 1954 г. в Сталинграде не было ни одного памятника В.И. Ленину [27, л. 205].) Лишь с конца 1950-х в городе начинается процесс создания мемориальных объектов, связанных с Великой Отечественной войной, хотя их проектирование началось задолго до её окончания. Одним из первых предложения на этот счёт направил советскому руководству мэтр сталинской архитектуры Б.М. Иофан. В марте 1943 г. он представил И.В. Сталину и В.М. Молотову соответствующий эскиз. Центральное место в обновлённом городе, по мысли Иофана, должна была занять площадь с величественным памятником, включающим специальный зал, посвящённый героическим битвам за Сталинград и окружённый фигурами, символизирующими защитников Царицына и Сталинграда. Иофан считал, что площадь с памятником должна стать “главным идеологическим и архитектурным центром” [28]. Свои предложения по реконструкции Сталинграда подготовил и другой прославленный архитектор — А.В. Щусев, в марте 1944 г. он представил Сталину акварельные наброски. Важное место в его предложениях также занимал памятник Победы — четырёхъярусная башня, высотой 60 м, увенчанная бронзовой фигурой красноармейца [28].

В 1944, 1945, 1948 и 1951 гг. Комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР и Союз советских архитекторов проводили конкурсы на лучший проект монумента в честь защитников Сталинграда в центральной части города. На рассмотрение жюри поступило огромное число разнообразных проектов, но ни один из них не был реализован. Некоторые архитекторы направляли свои проекты руководителям страны вне рамок объявленных конкурсов. Например, в августе 1952 г. архитектор С.С. Нанушьян отправил И.В. Сталину записку с проектом памятника героям обороны Царицына и Сталинграда. Суть проекта заключалась в возведении дворца звездообразной пирамидальной формы на Мамаевом кургане. Выбор архитектурной формы он обосновывал следующим образом: “От квадратной пирамидальной композиции берёт начало центрально-купольная система христианских храмов. Из квадрата возникает крест, как символ христианства, увенчивая храмовые сооружения. В социалистическом обществе люди научились управлять силами природы. Таинства и мистика уступили место науке, практике. Коммунистиче-

ская идеология всё больше овладевает умами трудящихся на всех пяти частях света, объединяя их вокруг символа коммунизма — пятиконечной звезды. Не может быть никакого сомнения в том, что усилия зодчих советской эпохи будут направлены на освоение звездообразных пространственных форм” [29, л. 28].

Однако ни при И.В. Сталине, ни в первые годы после его смерти вопрос о строительстве монумента в честь Сталинградской битвы не обсуждался в практической плоскости. Это было обусловлено тем, что у местных властей не хватало ресурсов не только на новые мемориальные объекты, но и реставрацию старых: все силы направлялись на решение первоочередной задачи — создание достойных условий жизни горожанам. До 1945 г. не был восстановлен музей обороны Царицына, где располагался реальный рабочий кабинет И.В. Сталина времён борьбы с белогвардейцами. В записке Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) от 1 ноября 1945 г. сообщалось, что спустя почти три года после освобождения города здание бывшего музея до сих пор не очищено от мусора [30, л. 187]. Многие месяцы после освобождения города не поддерживался строгий порядок на стихийно возникших народных мемориалах. Обелиски ветшали, на братских могилах советских воинов, сражавшихся под командованием А.И. Родимцева, Н.Ф. Батюка и А.И. Утвенко, из-за отсутствия изгородей пасся скот [30, л. 190]. Однако к концу 1945 г. в местах захоронений был наведён порядок.

К середине 1950-х годов, с налаживанием мирной жизни, ситуация, касающаяся сбережения памяти о Сталинградской битве, начала меняться. Вероятно, не последнюю роль в этом сыграло празднование 10-летнего юбилея Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Именно тогда актуализировался вопрос об увековечивании памяти погибших в годы войны. Вместе с восстановлением советской экономики открылась возможность создания крупных мемориальных объектов [32, с. 98].

Первым, кто выступил с подобной инициативой, был “маршал Победы”, на тот момент министр обороны СССР Г.К. Жуков. 14 июня 1955 г. он направил в ЦК КПСС предложение о сооружении в 1956—1957 гг. памятников-монументов в Москве (или Подмосковье), Ленинграде, Сталинграде, Севастополе и Одессе [33, с. 85, 86]. К записке Жукова был приложен проект памятника в Сталинграде, предложенный группой под руководством скульптора Е.В. Вучетича. Главным монументом должна была стать композиция из двух фигур, которую авторы описывали следующим образом: “Советский воин, после выполнения своей великой интернациональной, освободительной миссии, преклонил колени перед

Матерью-Родиной и, опуская к её ногам свой меч, целует колосья родной земли – символ мирного труда и счастливой жизни, за которую он сражался” [34, л. 120].

Увековечить память героев Сталинградской битвы предложил и маршал А.И. Ерёменко. В записке в ЦК КПСС от 30 декабря 1955 г. он выдвигал идею не только установить памятник в виде стелы, но и построить на Мамаевом кургане панораму Сталинградской битвы с пристройкой, в которой разместить диорамы боёв, не просматривавшихся с кургана. Маршал настаивал на необходимости открытия в городе музея Сталинградской битвы, в стенах которого присутствовала бы галерея героев, языком экспонатов рассказывалось о наиболее отличившихся в боях воинских частях. Предлагалось также установить 15–16 обелисков в области, в местах наиболее важных сражений Сталинградской кампании. Ерёменко полагал, что создание этих памятников будет иметь “исключительное значение, поскольку оно даст возможность облечь в стройную форму содержание событий великой битвы, что сыграет большую роль не только в деле воспитания высоких патриотических чувств нашего народа, особенно молодёжи, но также ещё более привлечёт взоры мировой общественности к Сталинграду” [35, л. 12].

Окончательное решение о сооружении на Мамаевом кургане памятника-монумента, а также создании панорамы битвы было принято в ноябре 1957 г. В соответствии с решением Секретариата ЦК КПСС работы по этим проектам были возложены на военных художников студии М.Б. Грекова под руководством скульптора Е.В. Вучетича [36, л. 12]. Выбор объяснялся просто – его группа уже продолжительное время работала над созданием архитектурного ансамбля. На строительство было выделено около 30 млн руб. Увековечивание памяти о Сталинградской битве становится неотъемлемой частью не только внутренней повестки, но и международного контекста. В этом отношении показательно масштабное празднование 20-летия “битвы на Волге” (такое название исторического события использовалось в официальных документах и прессе после переименования Сталинграда в Волгоград). Так, в связи с этой датой Н.С. Хрущев и Р.Я. Малиновский дали интервью французскому телевидению, был снят фильм о сражении для европейской аудитории [37, л. 23–32].

15 октября 1967 г. монумент, созданный Е.В. Вучетичем, был торжественно открыт Л.И. Брежневым. Генеральный секретарь ЦК КПСС в своей речи обратил особое внимание на то, что памятник символически объединил не только подвиг воинов-сталинградцев, но всех, кто боролся в годы войны за свободу СССР. “Этот монумент – дань героическим сынам и дочерям советской

страны, которые своей стойкостью, беззаветным мужеством, кровью своей завоевали победу. Здесь, на этой земле, они повернули ход судьбы, заставив её идти от мрака к свету, от порабощения к свободе, от смерти к жизни. Человечество помнит их как героев-сталинградцев”, – резюмировал советский лидер [38, л. 66, 67].

В последующие годы центральные и местные власти неоднократно возвращались к идее продолжения строительства мемориала от подножия Мамаева кургана до берегов Волги [12, с. 220]. Часть проектов была реализована, в том числе панорама “Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом”, открытая в 1982 г. [6, с. 126].

Памятник-ансамбль на Мамаевом кургане стал знаковым произведением советского монументального искусства, увековечив память о подвиге народа в Великой Отечественной войне, а присвоение Волгограду в 1965 г. звания города-героя позволило закрепить его образ как одного из важнейших символов национального исторического сознания. При этом сам мемориал на Мамаевом кургане можно смело назвать не только символом Победы в войне, но и победы трудовой, прославляющим тех, кто восстанавливал город из руин, совершая подвиг созидания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аргасцева С.А.* Сталинградская панорама как памятник истории, искусства и культуры: источниковедческая база // Сталинградская битва в судьбах народов: международная научно-практическая конференция. Волгоград: Волгогр. ОУНБ им. М. Горького, Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2013. С. 69–73.
2. *Болтунова Е.М., Егорова Г.С.* Территория и история: позднесоветские проекты “Города-герой” и “Золотое кольцо”. М.: Кучково поле, 2022.
3. *Бондарь В.В., Еремеева А.Н., Маркова О.Н., Юренива Т.Ю.* Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2022.
4. *Васильев Д.В., Мазаев Н.А.* Памятник-ансамбль на Мамаевом кургане: динамика коммеморации Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 2. С. 112–127.
5. *Васильев Д.В., Мазаев Н.А.* Мамаев курган как практика коммеморации Великой отечественной войны // Война. Время. Память: Всероссийская научно-практическая конференция, посвящённая 75-летней годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Москва, 13–23 мая 2020 г. М., 2021. С. 10–19.
6. *Гершон М.М.* Как возник Сталинградский мемориал // Родина. 2015. № 5. С. 122–126.

7. *Красноженова Е.Е., Михайлов А.А.* Города-герои: становление почётного звания в период Великой Отечественной войны и в первое послевоенное двадцатилетие // Вопросы истории. 2020. № 12-1. С. 4–15.
8. *Кринко Е.Ф.* Сталинградская битва в мемориальной культуре Волгограда и Волгоградской области // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы IV Международной научной конференции, посвящённой 75-летию победы в Сталинградской битве. В 2-х частях. Ч. 1. Волгоград, 2017. С. 59–69.
9. *Кринко Е.Ф.* Сталинградская битва и коренной перелом во Второй мировой войне: события и образы // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. История. Религиоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 1. С. 9–14.
10. *Попков В.И., Кутиков А.В., Аргасцева С.А.* И вот он заговорил – Мамаев курган...: К 50-летию открытия памятника-ансамбля “Героям Сталинградской битвы” // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 1. С. 4–12.
11. *Попов А.Д.* “Созвездие вечной славы”: города-герои Советского Союза в географическом и символическом пространстве // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 2. С. 72–76.
12. *Попов А.Д.* Создание мемориального комплекса “Героям Сталинградской битвы” на Мамаевом кургане: историческая память, искусство и советская монументальная пропаганда // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. История. Религиоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 1. С. 209–221.
13. *Попов А.Д., Романько О.В.* Памятники Великой Отечественной войны в поздний советский период: многообразие социальных функций и практик // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 55–62.
14. *Разаков В.Х.* Архитектурно-скульптурный памятник-ансамбль “Героям Сталинградской битвы” на Мамаевом кургане // Военный Сталинград как мировой социокультурный феномен. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2017. С. 156–187.
15. *Trubina E.* The Reconstructed City as Rhetorical Space: The Case of Volgograd // Remembering, Forgetting and City Builders. Burlington, 2010. P. 107–120.
16. *Palmer S.* How Memory was Made: The Construction of the Memorial to the Heroes of the Battle of Stalingrad // The Russian Review. 2009. V. 68, № 3. P. 373–407.
17. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 271.
18. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 5. Д. 4.
19. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 597.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 1321.
21. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 29. Д. 337.
22. *Чуянов А.* Сталинград возрождается // ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2354. Д. 8.
23. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 100.
24. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 598.
25. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 44. Д. 1212.
26. РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 944.
27. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 41. Д. 41.
28. “Помнит мир спасённый...”. Поздравительные телеграммы и послания советскому народу. 1941–1945 / Сост. И.А. Пермяков, Т.А. Джалилов, Н.Ю. Пивоваров. М.: Фонд “Связь эпох”: Кучково поле, Музеон, 2021.
29. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 24.
30. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 601.
31. Первый памятник на Мамаевом кургане // Родина. 2018. № 2. С. 34–36.
32. *Тихонов В.В.* Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112.
33. Памятник Победы. Сборник документов. 1943–1991 гг. М., 2004.
34. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 145.
35. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 26.
36. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 407.
37. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 583.
38. РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 378.